

Люди Герцога побуждали его наказать виновников. «Эх, господа, — отвечал он, — да пускай себе поют, сколько им влезет».

Что до провансальских дам, то, помимо злоречия, привычного для небольших городков, у них заведено выкладывать все начистоту во время карнавала, так что почти всегда там без ссор не обходится; они весьма падки на иронию, и вот тому отличный пример.

Барон д'Альмань выдал одну из своих дочерей за г-на де Жук. Г-н де Жук и архиепископ Экский оба претендуют на право почетного владения неким сельским приходом. Однажды во время одного богослужения, на которое должен был прибыть и Архиепископ, г-жа Жук, желая сидеть на почетном месте, приказывает убрать стул, приготовленный для Архиепископа, ставит свой и усаживается. Приезжает Архиепископ и находит место занятым. Нашей даме этого кажется мало, она и добавок оспаривает свое право на место и, говорят, даже замахивается на прелата. Это была невысокая женщина, довольно хорошенькая и чертовски падкая. Мне бы хотелось, чтобы архиепископ Экский стал бы в ту пору уже кардиналом де Сент-Сезиль, дабы посмотреть, что стали бы делать эти две умные головы.

### Мадемуазель Диоде

Мадемуазель Диоде — дочь некоего г-на Дюдати из Марселя (ибо Диоде — это имя искаженное), дворянина родом из Лукки. Она была хорошо сложена и весьма неглупа. По пути в Италию (было это в 1638 году) я проезжал через те края и сказал этой девице несколько любезных слов; она ответила, что читает «Правдивое зеркало»<sup>2</sup> сочинения Ла-Серра. И далее она продолжала читать что попало и стала настоящей педагогом; только и говорила что о книгах и занимала гостей беседами о науке. Некий иезуит, как говорят, научил ее латыни. Рассказывают, будто однажды ее навестил некий молодой кавалер Мальтийского Ордена,<sup>3</sup> которому она принялась питировать Аристотеля, Платона, Заратустру<sup>4</sup> и Гермеса-Трисмегиста.<sup>5</sup> Юноше это доставило не слишком большое развлечение; он прощается с м-ль Диоде, она хочет его проводить; он делает все возможное, чтобы отговорить ее, и наконец падает на колени: «Именем Платона, Аристотеля, Заратустры умоляю вас, мадемуазель, не наносите мне этого оскорбления». Стоило приехать в Марсель какому-нибудь провинциальному принцу, как она делала все возможное, чтобы на бале сидеть подле него. В этих краях балы бывают зимой и летом. Но она ко всем относилась с презрением и полагала, что только ей одной подобает принимать гостей. Особливо это проявилось, когда через Марсель проезжал какой-то датский принц. Она позволяла ему ухаживать за собою, терпеливо выслушивала все любезности, на которые способен *данец*, а ведь в этом человеке не было ровно ничего примечательного, кроме знатного